

Желая взять ее из рук Сы Ма Цин Ша, Ло Вэй потянулся к пряжке с уткой-мандаринкой. Если бы он потерял ее, то ни за что бы не простил себя, это то, что он не должен потерять ни в коем случае.

Сы Ма Цин Ша тут же сжал руку в кулак, скрыв пряжку и блокируя руку Ло Вэй. Спрятав ее от Ло Вэй во внутренней одежде, поскольку понял, насколько тот дорожит половинкой этой пряжки с уткой-мандаринкой.

— Где вторая половина этой вещички? — спросил Сы Ма Цин Ша Ло Вэй.

Понаблюдав за выражением лица Сы Ма Цин Ша, Ло Вэй решил, что сегодня, он спокоен и собран, не похоже, что он может начать неистовствовать.

— Не знаю, — ответил он поразмыслив. — Ее мне оставила мать, отдай обратно.

— Твоя мать? — спросил Сы Ма Цин Ша, не зная правду или ложь сказанное им, — Тогда разве вторая половина не в руках твоего отца?

— Я не знаю, — прошептал Ло Вэй.

— Твой отец не сказал тебе? — сказал Сы Ма Цин Ша. — Даже я слышан об имени твоей матери, первой красавицы Великого Чжоу, чья необычайная красота подобна пиону (1).

— Я-я, никогда ее не видел.

— Ну и как же хорошо с тобой обошлась твоя страна Великого Чжоу? — Сы Ма Цин Ша кину нефритовую пряжку с уткой-мандаринкой на тело Ло Вэй, — Подумай теперь, стоило ли быть таким преданным?

Ло Вэй крепко сжал в руке пряжку с уткой-мандаринкой, боясь, что Сы Ма Цин Ша снова выхватит ее.

— Скажи, — Сы Ма Цин Ша поднял подбородок Ло Вэй, — Теперь ты жалеешь об этом?

— Я гражданин Великого Чжоу, — сказал Ло Вэй. — Я родился там, Ваше Величество, это не мне выбирать.

Выражение лица Сы Ма Цин Ша снова изменилось.

— Ваше Величество, — заговори Ло Вэй со слабым видом, — ты меня обесчестил и оскорбил, если этого недостаточно, просто посади меня в тюрьму. Я не из тех, кто ничего не понимает, я

знаю, что Ваше Величество и народ Северного Янь ненавидите меня, поэтому этот дворец мне не место.

Сы Ма Цин Ша ошеломленно посмотрел на такого Ло Вэя, тот никогда не ве себя с ним так покорно и смиренно, отчего его сердце немного смягчилось.

— Теперь я понес наказания за свои деяния, — продолжал Ло Вэй, умоляя Сы Ма Цин Ша, — Просто отпусти меня.

— Притворяешься жалким! — отвесил тот сильную пощечину Ло Вэю. Он уже был обманут им. Теперь Сы Ма Цин Ша не верил, что Ло Вэй может быть покорным. Этот человек слишком коварен, чтобы верить всем его словам.

После того, как Ло Вэй получил пощечину от Сы Ма Цин Ша, из уголка его рта сразу же потекла кровь.

Мысль о том, что Ло Вэй снова обманул его, а так же осознание возникшего в сердце сочувствия, заставила его досадовать на себя, отчего Сы Ма Цин Ша с раздражением пронзил Ло Вэя взглядом. Внезапно он выхватил из рук Ло Вэя пряжку утки-мандаринки.

— Это правда памятный подарок твоей покойной матери? — спросил он строгим голосом.

Ло Вэй действительно не понимал, зачем Сы Ма Цин Ша вообще поднимает вопрос с этой пряжкой.

Видя, что Ло Вэй ничего не говорит, Сы Ма Цин Ша еще больше уверился в том, что слова о даре покойной матери ни что иное, как очередная ложь Ло Вэя. В следующий момент он швырнул пряжку об пол возле кровати, отчего раздался отчетливый хруст.

— Нет! — услышав, как нефритовая утка-мандаринка зазвенела упав об пол, Ло Вэй с трудом поднялся и попытался дотянуться до нее.

Сы Ма Цин Ша отошел в сторону.

Без поддержки Ло Вэй в мгновение ока скатился на пол, но при этом сумел правой рукой ухватить половинку нефритовой утки-мандаринки.

— Это действительно памятный подарок твоей покойной матери? — спросил он опять, наступив Ло Вэю на руку.

— Да, — сказал Ло Вэй, из-за того, что Сы Ма Цин Ша наступил ему на руку, Ло Вэй не мог пошевелиться.

— Правда? — Сы Ма Цин Ша наступил сильнее.

— Это правда, — Ло Вэй боялся только того, что Сы Ма Цин Ша действительно наступит на пряжку, потому смог стерпеть боль в руке и заверил его, — Это правда, я не стал бы лгать о своей матери!

Сы Ма Цин Ша не двигался, но сила давления от ноги становилась все сильнее и сильнее. Он не мог сказать, правду ли тот ему говорит, отчего негодовал еще больше.

Пальцы связаны с сердцем (2), Сы Ма Цин Ша уже долго давил на них ногой, Ло Вэй уже едва терпел боль, чувствуя, что пальцы вот-вот сломаются, потому заговорил искаженным от боли голосом, умоляя:

— Ваше Величество, я теперь твой пленник, я больше не способен причинить тебе вред, не говоря уже о том, чтобы снова солгать. Пожалуйста, отпусти меня!

Убрав ногу Сы Ма Цин Ша чуть отошел. Он протянул было руку, желая помочь Ло Вэю подняться, почти коснувшись его, но внезапно отдернул ее и отвернувшись, направился прочь. Этот человек враг, весь Северный Янь следил за тем, как он накажет этого человека, он не может проявить к нему доброту.

После того, как Сы Ма Цин Ша покинул комнату, туда вошел старый евнух Ван и увидел в тусклом свете свечей, лежащего на полу Ло Вэя. Подойдя на несколько шагов ближе, он вздрогнул, увидев его вывернутую правую руку. Он долгое время сторожил вход снаружи, совсем недавно из комнаты раздались голоса, и вот, мгновение спустя этот мужчина снова оказался раненым.

Кладка на земле была слишком холодной, Ло Вэю было больно и холодно, и когда он увидел старого евнуха Вана, стоящего перед ним, то сказал:

— Помоги мне подняться, я не могу встать.

— Принц же из знатной семьи, — старый евнух наклонился, поднял Ло Вэя и положи в кровать, — Ваше тело нежное и ценное, стоит позаботиться о себе и спланировать все так, чтоб не злить Его Величество.

Вытерев кровь с уголка рта, Ло Вэй попытался натянуть на себя одеяло, когда почувствовал, что под ним снова влажно.

Старый евнух Ван, конечно, тоже заметил кровь под Ло Вэем, он натянул одеяло и накрыв его, сказал:

— Потерпите, принц, покорный слуга ходит за придворным лекарем.

В дворцовой комнате больше никого не осталось, поэтому Ло Вэй раскрыл ладонь и посмотрел на пряжку с уткой-мандаринкой, лежащую там. Нефрит в Сюаньчжоу относительно твердый, а слишком твердые вещи обычно легко сломать, поэтому от действий Сы Ма Цин Ша пряжка разбилась, по ней пошли отчетливые трещины. Ло Вэй крепко сжал нефритовую пряжку, и кровь на его руках и под ним вскоре окрасила большую часть простыни в красный цвет. Боль, позор и унижение, обида на то, что он ничего не может с этим поделать, собрались воедино. Ло Вэй накрылся с головой одеялом, прижал к груди нефритовую пряжку и закричал. На этот раз у него нет груди Вэй Ланя, на которую можно рассчитывать, и рядом с которым он мог согреться. Из-за этого он чувствовал себя в отчаянии, ему хотелось как можно скорее покинуть это место, и безумно скучал по Вэй Ланю.

Услышав, что Ло Вэй вновь ранен, придворный лекарь поспешил прийти к нему. Он нервничал, боясь, что на этот раз травмы Ло Вэя еще больше усугубятся, и тогда спасти его сможет лишь Бог. Когда пришел лекарь, Ло Вэй, спрятавший голову под одеяло, уже не двигался. В панике он поспешно поднял одеяло и увидел, что Ло Вэй потерял сознание, а на его лице виднеись слезы.

— Он в порядке? — видя окровавленные простыни старый евнух Ван немного испугался. Для него смерть Ло Вэя не лучший исход.

— Разве я не говорил, что эта комната должна отапливаться? — напустился лекарь на старого евнуха, почувствовал насколько холодная постель Ло Вэя. — Ты действительно хочешь, чтобы он умер?

— Будучи таким, уж лучше бы он умер! — прошептал евнух, взглянув на Ло Вэя.

— Полагаешь, он сам стремится жить? — со вздохом сказал лекарь.

— Слуга идет за горячей водой, — топнув ногой сказал старый дворцовый евнух Ван.

— Придется заменить все простыни, так-что принеси еще несколько жаровен, чтоб согреть новое белье, — напутствовал лекарь.

Уходя евнух Ван только и думал, как ему не повезло. Он вовсе не хотел служить принцу Цзинь из Великого Чжоу, и, по оценкам, никто во всей Северной Янь не относился к этому принцу хорошо, но ему, старому евнуху, не повезло и послали служить этому грешнику. В итоге его дни полны беспокойств и переживаний, а пользы он из этого не выносит.

Придворный лекарь засунул толстое полотенце в рот Ло Вэя, боясь, что тот может прикусить язык, если будет страдать от боли во время беспамятства. Внимательно осмотрев Ло Вэя, лекарь с облегчением понял, что это просто вскрылись раны, и никаких грязных жидкостей нет. От осознания этого он испытал облегчение. Похоже Его Величество больше не принуждал этого юношу к соитию. Нынешние травмы не так опасны для жизни, по крайней мере внутренних разрывов нет, а внешние раны вылечить намного легче.

— Лань, — позвал во сне Ло Вэй, пока лекарь трогал его раны, причиняя боль, и у него снова потекли слезы.

*****

1. Здесь я слегка изменила, просто фраза 指腹 сравнивает красавицу с пионом, обычно пишется, как необычайная красавица.

2. 指腹 — пальцы связаны с сердцем, обр. близость, привязанность. Не знаю буквально это или образно.

<http://bllate.org/book/15662/1401183>